

ЕЖИ АНТОНЕВИЧ

О НАХОДКАХ ОБРУЧСКИХ ПРЯСЛИЦ НА ПЛЕМЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ БАЛТОВ

Одним из характерных признаков проникания в раннем средневековьи на западнославянские и скандинавские земли предметов, которыми торговала древняя Русь, являются пряслица из розового и фиолетового овручского шифера, находимые на этих землях. Как известно по археологической литературе, Б. А. Рыбаков первым подытожил результаты достигнутые советской наукой, определив границы выступления на Руси¹ изделий этого типа, независимо от составленного ранее И. Костржевским² списка, относящегося к территории Польши. В то же время шведский ученый Х. Арбман сообщил о находках таких же пряслиц в Бирке, Сигтуне и Лунде³. В. Хензель⁴ пополнил и обобщил данные, собранные предшественниками, показав наглядным образом на составленной им географической карте с отмеченными на ней местами находок пряслиц, пределы их распространения на восточных и западных славянских землях и в Скандинавии. Автор настоящей статьи обратил внимание на то, что эти пряслица встречаются в Самбии⁵. Совсем недавно Р. Одой нашол один экземпляр овручского пряслица на территории исторической Баркии, на датируемом концом XIII, XIV и началом XV века средневековом могильнике в местности Рувнина Дольна, повета Кентшин⁶. Интересно, что этот экземпляр, найденный в столь позднем комплексе погребений, свидетельствует одновременно о том, что в XIV и XV веке материальная культура пруссов приобретает реликтовый характер и удерживается еще только в определенных слоях общества, исключая круги прусских феодалов, в которые уже в то время начинают проникать посредством крестоносцев⁷ все элементы западноевропейской культуры. Ввиду того, что напр. в Новгороде Великом пряслица из волынского шифера выступают в культурных слоях, относящихся даже ко второй половине XIII века⁸, — находку овруч-

кого пряслица на могильнике в м. Рувнина Дольна излишне считать явлением исключительным. Возможно, что пряслице проникло на прусские земли в конце XII либо в начале XIII века, а затем, в следующем либо даже в третьем поколении, попало в состав погребального инвентаря. Прежние и нынешние констатации, к которым пришли многие авторы на основании вещественного археологического материала из Скандинавии и с племенных территорий пруссов, опровергают тезис Б. А. Рыбакова о способе распространения пряслиц из волынского шифера за этническими границами раннесредневековой Руси. Как известно, Факт невыступления пряслиц из овручского шифера на территориях расположенных вдоль Дона, Донца, нижнего течения Волги, также как и в пределах восточно-балтийских республик, и в некоторых северных районах бывшего владими́ро-суздальского княжества, объясняется Б. А. Рыбаковым отнюдь не неспособностью русской торговли проявить свое влияние в отношении изделий этого рода, а незначительным проникновением на эти территории мелких торговцев-коробейников, старавшихся обыкновенно не покидать пределов владений русских князей⁹. В. Л. Янин выступил недавно с опровержением этого мнения Б. А. Рыбакова, выдвигая тезис, что во второй половине X века, т. е. когда торговля на Руси еще вовсе не знала денег, овручские пряслица могли исполнять функцию платежной единицы определенной ценности¹⁰. Не имея намерения вызывать здесь автора на дискуссию по этому вопросу, я желал бы всё же отметить, что его аргумент, согласно которому пределы выступления овручских пряслиц на Руси покрываются с пределами распространения оборота серебром, не является вполне убедительным аргументом. В Эстонии и Карелии, например, овручские пряслица еще до сих пор неизвестны, хотя обе эти республики безусловно находились в пределах распространения оборота серебром, исходящего из Руси. И потому, не оспаривая в общих чертах положения В. Л. Янина о роли овручских пряслиц, русских пронизей и стеклянных браслетов исполнявших на некоторых внутренних рынках меновой торговли функции платежных средств с определенной, установленной ценностью, — необходимо отметить, что этой проблемы ни в коем случае обобщать не следует. Также, как не подлежит обобщению — во времени и пространстве — цитируемый нередко пример из Пскова, где в 1954 году была сделана находка клада, в котором западноевропейские монеты чередовались с овручскими пряслицами. Этот пример не может касаться всех владений русских князей, а тем более территорий, находящихся вне из этнографических пределов. Факт выступления овручских пряслиц в торговых центрах Швеции¹¹ либо на прусской племенной территории

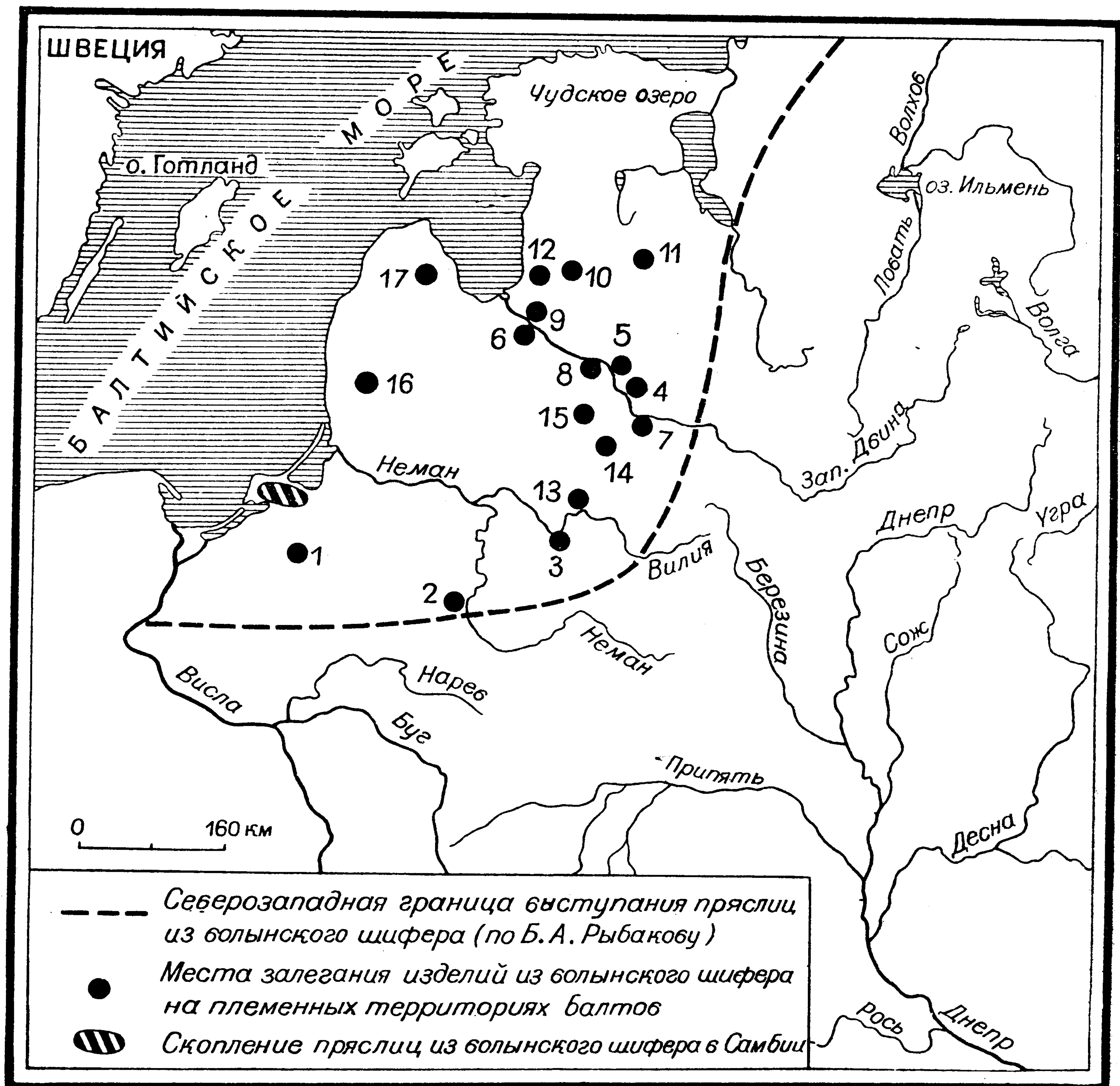

Рис. I. Распространение пряслиц из волынского шифера на территории Пруссии, Литвы и Латвии

1. Рувина Дольна, пов. Кентшин (Польша); 2. Бережаны, пов. Аугустов (ныне БССР); 3. Вильнюс (Литовская ССР); 4. Ерсика (Латвийская ССР); 5. Асоте (Латвийская ССР); 6. Даугмале (Латвийская ССР); 7. Витки (Латвийская ССР); 8. Сельгильс (Латвийская ССР); 9. Саласпульс (Латвийская ССР); 10. Рауна (Латвийская ССР); 11. Гаугавкас (Латвийская ССР); 12. Тураида (Латвийская ССР); 13. Неменчин (Литовская ССР); 14. Фосгелиаи (Литовская ССР); 15. Кальноциаи (Литовская ССР); 16. Доваиниаи (Литовская ССР); 17. Тальси (Латвийская ССР).

в Самбии¹² имеет безусловно совершенно другой аспект, чем выступание тех же пряслиц даже в Польше¹³ или над Камой, в России. Также и на Руси, в различных условиях поселений, наличие овручских пряслиц обуславливалось различными факторами. Поэтому при рассмотрении этих находок необходимо во всех случаях учитывать специфику, свойственную данному району. Мне кажется, что оба совет-

ских автора высказывают здесь в обоих случаях слишком крайние взгляды. Можно предположить, что Б. А. Рыбаков ошибался, придавая слишком большое значение роли мелких торговцев в деле распространения этих изделий по бескрайним просторам Руси; что же касается В. Л. Янина, то ошибочным можно считать его мнение о специальной функции пряслиц, использовавшихся во II половине X века, т.е. еще до введения денежных платежных средств на южных рынках Руси, в качестве мерила меновой стоимости.

Публикуя в 1955 году замечания и выводы в связи с находками в Самбии пряслиц из вольтинского шифера, я уже в то время обратил особое внимание на их изолированность по сравнению с другими балтийскими и финскими землями и высказал мнение, что их наличие на этнических территориях балтов повидимому, до сих пор вообще не замечалось исследователями¹⁴. Мое вышеизложенное мнение закрепилось за время моего двухкратного в течение 1957 года пребывания в Советском Союзе. Благодаря предоставленной мне возможности ознакомиться с экспонированными либо сохраняющимися в фондах археологическими находками с территории Литвы и Латвии, мне удалось собрать, пользуясь любезной помощью местных археологов¹⁵ некоторые данные о находках пряслиц из вольтинского шифера. Без сомнения, сведения собранные мной лично и сообщенные мне археологами восточнбалтийских стран неполные и не исчерпывают вполне вопроса, хотя бы потому, что в публикуемую здесь сводку данных не входят экземпляры пряслиц обсуждаемого типа, находящиеся в краеведческих музеях Литвы и Латвии, которых мне не удалось во многих случаях посетить. Несмотря на это прилагаемая к настоящей статье карта, на которой отмечены места залегания пряслиц из вольтинского шифера (рис. 1), весьма красноречива и полностью меняет представленную до сих пор Б. А. Рыбаковым картину, на которую ссылалась при разных обстоятельствах русская и польская археологическая литература. Крайние пределы выступления пряслиц из вольтинского шифера ограничены согласно Б. А. Рыбакову воображаемыми линиями, проходящими как следует: на северо-западе — полукругом от Ладожского озера до южных берегов Чудского озера, пересекая по пути Двину на высоте истоков Березины и нижнее течение Немана в районе Гродно; на западе — вдоль границы между Мазовией и Пруссией. Теперь же, в свете нанесенных мной на карту мест залегания пряслиц, становится ясно, что обозначенная Б. А. Рыбаковым граница утратила актуальность и должна быть соответственно передвинута ввиду сделанных на территории Пруссии, Литвы и Латвии — кроме Эстонии¹⁶ — находок обручских пряслиц.

Интересна также топография находок на упомянутых землях. Находки с территории Пруссии я подробно обсудил ранее, так что нет необходимости вторично возвращаться к этой проблеме, за исключением разве нескольких замечаний общего характера касательно путей проникновения в Пруссию. Эти замечания требуют небольших поправок. Места же залегания пряслиц на территории Литвы и Латвии составляют в генетическом отношении одно общее целое и их характерное расположение говорит само за себя.

Прежде всего обращает на себя внимание их густое выступание вдоль берегов западной Даугавы, что является результатом существования на этой реке торгового водного пути с востока на запад и обратно. Такое толкование этого явления встречается уже довольно давно в литературе по данному предмету¹⁷. Выступание пряслиц из вольтинского шифера в таких местах, как напр. городища Ерсика, Асоте, Даугмале, не представляет сенсационного научного открытия. Это явление обусловлено закономерностью общего характера, состоящей в насыщении этих стоянок восточно-славянскими импортами, как напр.: браслеты из стекла и бронзы, пронизи, византийские крестики и другие характерные изделия, типичные для русской культуры раннего средневековья¹⁸. Интересно, что пряслица из вольтинского шифера, находимые на стоянках расположенных над Даугавой, встречаются не только в культурных слоях городищ, но также и на могильниках. Это известно нам по двум примерам из района Даугавпильс и по погребению № 18, обнаруженному в м. Саласпульс возле Риги. Вопреки утверждениям В. Л. Янина следовало бы, точности ради, прибавить, что до сих пор мы еще не встретили ни одного экземпляра в культурных слоях в пределах самой Риги¹⁹. Это, конечно, не исключает возможности такого открытия в будущем, тем более, что в Риге уже были найдены иного рода импорты русского происхождения, а именно: стеклянные браслеты²⁰ и русская бронзовая булава, хорошо известная по аналогиям, выступавшим на городищах Киевской и Галицкой Руси²¹. Впрочем подобная булава была найдена также в окружении городища в Асоте (район Крустпилльс) над Даугавой²².

Пряслица из вольтинского шифера были обнаружены также к югу от торгового пути, проходившего по Даугаве, в м. Кальноциаи и Фозгелиаи, т.е. уже в пределах Литовской ССР. Пряслице из м. Кальноциаи, плоское, с двухскатным боком²³, было найдено в пределах самого городища. Пряслице из м. Фозгелиаи было обнаружено во время археологических раскопок о одноименного городища²⁴, производившихся П. Тарасенко в 1932 году. Эти обе находки находятся безусловно в за-

висимости от проходившего вблизи торгового водного пути по Даугаве²⁵.

Подтверждение существования этих импортов мы находим не только в районе Даугавы. Любопытно, что аналогичные пряслица встречались также над рекой Гауя, находившейся в зоне торгового пути, по которому проникали русские импорты из Новгорода, через Псков, Изборск — до Рижского залива. Явление характерное для этой зоны, также впрочем как и для зоны Даугавы, состоит в том, что на территориях расположенных вдоль главных торговых путей, использовавшихся для целей внешней торговли, — оставляется ряд русских изделий на покрытие потребностей местных рынков. В число этих изделий входят также пряслица из волынского шифера, известные нам — в первом случае — по могильнику в м. Рауна района Цесис и — во втором случае — по могильнику в м. Гальганска района Гульбене, где оно выступило в виде бусины из волынского шифера. Если принять к тому же во внимание, что последняя местность находится в 25 клм к востоку от местечка Яунпиебалга, в котором Э. Шноре открыла могильник с богатым погребальным инвентарем состоящим отчасти из русских импортов, как то ожерелье из плоских крестиков и миниатюрных русских энколпионов²⁶, — то можно будет прийти к правильному выводу о существовании взаимной связи между этими двумя находками. Они являются результатом воздействия упоминаемой выше придорожной зоны, что подтверждается также многими другими известными и ранее опубликованными примерами.

Не менее важное значение имеют дальнейшие две находки пряслиц из волынского шифера, которые были сделаны на куро-ливской территории, на берегах Балтийского моря. Первое из них было найдено в м. Тальси (Латвия), на ливской территории, где находился крупный феодальный центр, состоящий из городища и широко раскинувшегося посада. Второе — с территории куров — было обнаружено в м. Доваиниаи (Жемайтия), в пределах раннесредневекового поселения, расположенного над рекой и заходящего уже на территорию Литовской ССР²⁷. Обе стоянки с пряслицами не случайно находятся в приморском районе. Эти пряслица являются вещественным подтверждением высказанного в свое время Х. Моора²⁸ мнения об оживлении, господствовавшем на территориях вдоль торгового пути, проходившего от устья Даугавы в Рижском заливе, по куро-ливским берегам Балтийского моря до устья Немана. Впрочем находка из м. Доваиниаи отнюдь не является единственной на территории куров славянским импортом этого рода. Следовало бы, например, обратить внимание на то, что на расположенном недалеко от этой стоянки ранне-

средневековом могильнике в м. Прижмонти были обнаружены — кроме элементов погребального инвентаря типичного для куров — славянские пронизи с глазком²⁹, встречающиеся напр. в Новгороде Великом³⁰. Этот факт является свидетельством воздействия близлежащего торгового пути на соседние с ним районы.

Пряслица, найденные в Вильнюсе и Неменчине возле Вильнюса — не являются сенсационным научным открытием. Они свидетельствуют о влиянии тех же торговых центров Руси, что и пряслица найденные в районе Даугавы.

Приведенные здесь примеры выступления пряслиц из волынского шифера на племенных территориях балтов заставляют меня пересмотреть высказанное недавно мнение о путях проникновения в Самбию пряслиц из волынского шифера³¹. Как известно, в свете проведенной недавно аргументации я высказался в пользу использования для этой цели морского пути через Ладогу и Финский залив; причем я принял во внимание, что до сих пор археологическая литература не упоминает о выступании пряслиц из волынского шифера на других племенных территориях балтов. Однако в свете приведенных здесь примеров, высказанное мной мнение становится несостоятельным. Пряслица из волынского шифера проникли в Самбию не только морским путем, но также разными другими торговыми путями, проходившими через племенные территории балтов. Они были здесь, также как и на западно-славянских землях, предметом массового ввоза из Руси. В связи с этим следует без всяких оговорок включить территорию Пруссии, Литвы и Латвии в картографическую схему составленную Б. А. Рыбаковым и В. Гензелем. Следует также принять во внимание, что проблематика выступления этих изделий на указанных территориях не заканчивается, однако, на этом предложении. Следующая, стоящая перед нашими исследованиями задача состоит в определении в какой степени овручские пряслица отражают вместе с другими русскими импортами интенсивность торгового обмена Руси с разными районами племенных территорий балтов в хронологически разное время. Другими словами: когда начинают появляться эти изделия в отдельных районах племенных территорий балтов, какова степень их районной интенсификации, когда начинают они исчезать с этих территорий. Ответы на эти вопросы будут иметь громадное значение для выработки мнения о проникновении в хронологически разное время предметов русской торговли в Прибалтику, на разные племенные территории балтов и финнов. Однако это интересное научное задание уже не вмещается в рамках настоящей статьи.

(Переложила Ольга Яковлев)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. А. Рыбаков, «Ремесло древней Руси», Москва 1948, стр. 466 и его же, «Торговля и торговые пути», см. коллективный труд, озаглавленный «История культуры древней Руси», Москва—Ленинград, 1948, с. 356, рис. 214.

² J. Kostrzewski, в коллективном труде *Gniezno w zaraniu dziejów w świetle wykopalisk*, Poznań 1939, с. 134—135.

³ H. Arbmán, *Une route commerciale pendant les X et XI siècles*, „Slavia Antiqua”, Vol. 1, 1948, с. 435, 438.

⁴ W. Hensel, *Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna*, Poznań 1952, с. 313, рис. 316.

⁵ J. Antoniewicz, *Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych*, „Wiadomości Archeologiczne”, Vol. 22, 1955, с. 243 и сл., рис. 6.

⁶ R. Odoj, *Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Równinie Dolnej, pow. Kętrzyn w 1956/57 r.* „Rocznik Olsztyński”, Vol. 1, 1958, с. 149 и сл.

⁷ Я уже раньше указывал на это. Сравни: J. Antoniewicz, *Polskie badania archeologiczne nad Bałtami w okresie powojennym*, „Rocznik Olsztyński”, vol. 1, 1958, с. 315 и сл.

⁸ Б. А. Колчин, «Топография, стратиграфия и хронология неревского раскопа», „Труды Новгородской археологической экспедиции”, т. 1, Москва 1956, с. 132.

⁹ Б. А. Рыбаков, «Ремесло древней Руси», Москва 1948, с. 468.

¹⁰ В. Л. Янин, «Денежно-меновые системы русского средневековья. Домонгольский период», Москва 1956, с. 184, рис. 53.

¹¹ H. Arbmán, *op. cit.*, с. 436.

¹² J. Antoniewicz, *Niektóre dowody kontaktów...*, с. 269—272.

¹³ Имеются, например, доказательства, что пряслица из волынского шифера выдвигались в Польшу из ввозного сырья (напр. м. Сонсядка, повта Замостье).

¹⁴ J. Antoniewicz, *Niektóre dowody kontaktów...*, с. 250 и примечание 90.

¹⁵ Данные (неполные) касающиеся Литвы я собрал благодаря содействию Фр. Кукикаускаса (Вильнюс) и П. Тарасенка (Каунас). Получением сводки мест залегания пряслиц и пронизей из волынского шифера я обязан Э. Мугуревичу (Рига), за что приношу ему глубокую благодарность.

¹⁶ Характерно, что в пределах м. Отепия (Медвежья голова) в Эстонии, бывшего важным пунктом осуществления экономических связей Руси с племенными территориями эстов, пряслица из волынского шифера до сих пор не были обнаружены. (Информация, полученная в сентябре 1957 г. от О. Саадре из Таллина и информация из письма академика проф. Х. А. Моора, касающегося всей Эстонии).

¹⁷ Сравни напр. Fr. Balodis, *Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland*, „Antikvariska Studier”, vol. 3, Stockholm 1948, с. 333 и «История Латвийской ССР», т. 1, 1952, с. 59.

¹⁸ Сравни: Fr. Balodis, *Jersika*, Riga 1940, с. 49 и таблицы. Относительно Дзугмале: Balodis, *Det äldsta Lettland*, Upsala 1940, с. 162. Приношу благодарность Э. Шноре (Рига) за предоставленные мне сведения о восточнославянских импортах, найденных в Асоте. Сравни также: J. Okulicz, *Fragment wczesnośredniowiecznej bransolety z miejscowości Ośnica, pow. Płock*, „Wiadomości

Archeologiczne“, Vol. 24, 1957, s. 369 и сл., а также рис. 2 (аналогия из Асоте — Латвийская ССР).

¹⁹ В. Л. Янин, «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период». Москва 1956, с. 189; М. Р. Вилсоне, «Археологические раскопки в городе Риге», „Краткие сообщения“, т. 42, 1952, с. 123 и информация, полученная лично от автора в сентябре 1957 г.

²⁰ М. Р. Вилсоне, «Археологические раскопки в городе Риге», „Краткие сообщения“, т. 42, 1952.

²¹ Сравни: J. Antoniewicz, *Niektóre dowody kontaktów...* с. 272, рис. 25, фиг. 1.

²² Сведение, полученное мною от Э. Мугуревича, Рига. Эта булава, найденная на территории городища либо одного из посадов, находится теперь в Краеведческом музее в Екабпилльс над Даугавой.

²³ Музей имени Чиурлониса в Каунасе. Фигурирует в описи под № 1589:16.

²⁴ Со слов П. Тарасенко, Каунас.

²⁵ В Музее имени Чиурлониса в Каунасе находится ещё одно пряслице, обозначенное в описи № 928:9, которое было найдено в пределах б. ковенской губернии. За предоставление мне возможности ознакомиться с этим экземпляром, также как и с другими археологическими находками, приношу мою благодарность Р. Яблонските (Каунас).

²⁶ Сравни: «История Латвийской ССР», т. I, Рига 1952, с. 76, рис. 31. и J. Antoniewicz, *Brazowy krzyżyk składany, znaleziony w Drohiczyńie nad Bugiem, pow. Siemiatycze*, „Wiadomości Archeologiczne“, Vol. 24, 1957, s. 368/69 (аналогия находки из Яунпиебалга, Латвийская ССР).

²⁷ Музей имени Чиурлониса в Каунасе; обозначено в описи номером 941:2.

²⁸ Н. Моора, *À propos de la fondation de Tartu*, „Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat“, 1933, стр. 186 и сл., как и приложенная картина.

²⁹ VI. Nagevičius, *Das Gräberfeld von Prižmonti*, „Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum“, Riga 1931, табль. VIII.

³⁰ Й. Л. Щапова, «Стеклянные бусы древнего Новгорода», „Труды Новгородской экспедиции“, табл. II, фиг. 25.

³¹ J. Antoniewicz, *Niektóre dowody kontaktów...*, с. 272.